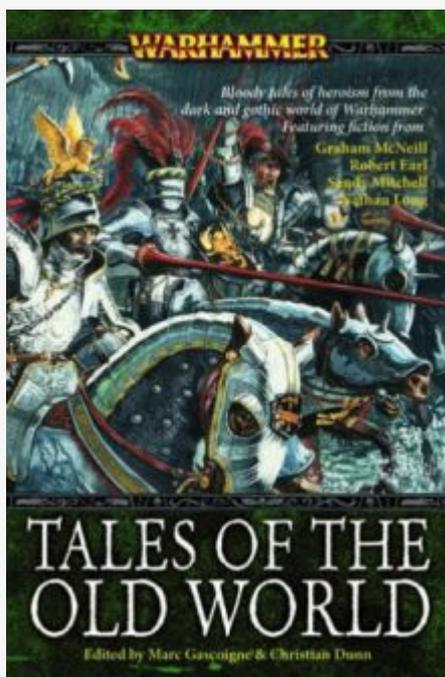

Воинская стезя / The Path of Warriors (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

**Воинская стезя / The Path of Warriors
(рассказ)**

Автор	Нил Макинтош / Neil McIntosh
Переводчик	MadGoatSoldier
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Истории Старого Света / Tales of the Old World
Источник	Inferno! №33
Год издания	2002
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Иллюстрация из Inferno! №33

На море бушевал холодный ветер, вздымая высокие гребни и вспенивая серую, как сталь, воду. Близился шторм. Близилась перемена. Вырванный из солёных пучин хлад коснулся сердца мальчика и пронзил его, будто кинжалом. Грядут перемены, и жизнь никогда уже не будет прежней.

Штефан поднял глаза на отца, неподвижно стоявшего рядом. Тот не обратил внимания, устремив свой взор поверх бушующих вод к далёкому горизонту и тонущей в море тёмно-оранжевой сфере солнца. Фёдор Куманский ждал. Ждал перемен.

Вопросы, возникшие у мальчика, так и застыли на губах. Внутри нарастало ещё не знакомое чувство страха. В обе стороны простирались огромные обледенелые скалы, что усеивали осаждаемые бескрайним океаном берега Родины-Кислева.

Они стояли на краю мира, за одиннадцать лет ставшего Штефану знакомым в отличие от неведомого ужаса, что разливался внутри подобно волнуемому морю.

Он крепче сжал руку отца, глубоко впиваясь ногтями в плотную огрубелую кожу, пока тот, наконец, не посмотрел на него. Фёдор Куманский улыбнулся сыну, и Штефан понял, что это лишь иллюзия.

- Папа, что нас ждёт?

В ответ Фёдор Куманский простёр руку к морю, и там, где немногим ранее небо и океан разделяла рваная линия горизонта, ныне появилось множество чёрных точек.

На таком отдалении Штефан не мог чётко разглядеть корабли, однако их появление нисколько не удивляло. В месте слияния могучего Моря Когтей и эстуария реки Линск судоходство не прекращалось ни на минуту. Рыбаки, торговцы и купцы возили товары туда и обратно не только в славный город Эренград, но и за его пределы. Вид кораблей внушал Штефану некое успокоение, вот только крошечных мачтовых судов становилось всё больше. Даже слишком много.

- Сколько же их, - тихо произнёс Штефан. - Наверное, это торговцы из Мариенбурга или даже Л'Англия?

Но отец медленно покачал головой, и Штефан понял, что хрупкая соломинка спокойствия, за которую он так держался, сломалась.

- Я ждал их появления, - произнёс отец. - Ждал во снах и наяву. Ждал, надеясь никогда не увидеть. Но прошлой ночью мне явились боги и поведали о сгущающихся тучах.

Он привлёк сына к себе.

- Нет, - наконец сказал Фёдор. - Сомневаюсь, что они прибыли из Мариенбурга, Л'Англия или других краев на западе.

Он плотнее запахнул плащ, чтобы защититься от пронизывающего холодного ветра.

- Думаю, они пришли с севера. И, боюсь, совсем не ради торговли.

Север. Штефан поразмыслил над словом. Это не точное место на карте; севера он не видал и не встречал никого в деревне, кто побывал там. Однако рассказы о нём вызывали у мальчика тошнотворный страх. На севере лежали дикие земли Норски (или чего похуже); жестокие неизведанные края, чьи корабли бороздили просторы его снов и кошмаров.

В лицо Штефану ударил солёный ветер, и уголки глаз защипало от слёз. Он посмотрел на отца в надежде прочесть его чувства, однако Фёдор был невозмутим. Время его ожидания подошло к концу.

К тому моменту тёмные силуэты стали многочисленнее и крупнее, что Штефан смог разглядеть очертания надутых парусов на высоких мачтах. Фёдор Куманский мягко положил руку на плечо сыну и отвернул его от моря.

- Время пришло, - тихим голосом он обратился к Штефану. - И нам есть чем заняться.

По галечной тропе отец с сыном направились прочь от обрыва обратно в деревню, к центру Оденска. Шли бодро, не торопясь - как и полагается для прогулки ранней весной, когда ещё холодно и свежо. Штефан не заметил, что отец, мерно шагавший вдоль мыса, поддался страху, однако по пути в селение Фёдор останавливался у каждого сруба и сильно стучал посохом в двери.

Им открывали сурового вида люди. Сильные, честные мужики с гордыми обветренными лицами, как у его отца. Фёдор жал им руки, но не приветствия ради. Каждому земляку было чётко и бесстрастно сказано: «Час пробил».

Теперь уже не только отец с сыном, но сотня человек ходила по улицам Оденска и передавала из уст в уста одно и то же сообщение. Везде реакция была одинаковой. Ножи, которыми раньше потрошили рыбу, начистили для более мрачной цели. Заржавевшие за годы мирной жизни широкие мечи собрали и смазали. Посохи в руках мирно живших мужчин стали дубинами. А из запертого заброшенного подвала достали две мелкие пушки и медленно покатали к небольшой бухте, где волны нещадно бичевали берег.

Удивительное для Штефана оживление среди людей разогнало сонную полуденную тишь рыболовецкой гавани. Едва поспевая за отцом, он наблюдал, как селение превращается во что-то новое и ужасающее. Закалённые трудом люди готовились сражаться, бытовая утварь становилась оружием, а дворы – крепостями.

Когда же Штефан с отцом добрались до их собственного дома с низкой крышей, солнце зашло, и Оденск стал погружаться в холодные сумерки. Мальчик попытался представить себе флот причаливших к берегу кораблей, конструкцию их мачт, форму и расположение парусов; людей на палубе и вантах в надежде, что внешне они ничем не отличаются от отца и жителей Оденска. Но больше всего он мечтал о том, что корабли развернутся перед входом в бухту, вопреки всему веря в благость их намерений.

Однако юное сердце знало, что надежды нет. Ему подсказали лицо отца и повторяемое спокойным тоном сообщение у каждой двери. Час настал, и назад дороги нет.

Михал ещё оставался в солильне, помогая женщинам чистить и потрошить рыбу на продажу. Заметив появление отца, он выжидающе поднял глаза. Штефан подбежал к младшему брату и, обняв его, крепко прижал к себе. Отец вышел на середину длинного зала и попросил тишины.

- Рабочее время закончилось, – сказал он. – Возвращайтесь домой. И да уберегут нас всех боги.

После воцарившегося молчания женщины начали собирать свёртки с едой и пожитками. Кто-то радовался раннему уходу с работы, других же терзали сомнения или любопытство. Пожилые дамы помалкивали, однако взяли вещи в руки и быстро ретировались.

Фёдор Куманский повёл сыновей к дому через подворье. Он привернул фитиль единственной масляной лампы, и в комнате осталось лишь тусклое янтарное свечение. После он занавесил плотным полотном узкое окно, скрыв последние лучи сгущающихся сумерек. Тлевшие в очаге угли наполняли помещение дымным теплом, и на мгновение Штефан, тешась родным уютом, снова перестал бояться.

- Послушай меня, – Фёдор крепко схватил его за плечи. – Вскоре я покину вас. Вы с Михалом должны оставаться здесь, в безопасности. Заприте двери за мной и закройте ставни на окнах. До моего возвращения не открывайте никому – слышите, никому. И что бы ни случилось, Штефан, ты обязан заботиться о брате. Ясно?

Штефан кивнул, однако, не до конца понимая всего. Да, он прощался с детством, превращаясь теперь из друга Михала по играм в его заступника. Но в чём причина? Он взял брата за руку. – Папа, ты же вернешься?

Фёдор наклонился и снял с шеи серебряную цепочку, а затем показал мальчикам медальон в руке – овальную пластинку с образом Шаллии, богини врачевания.

- Он принадлежал вашей матери, – сказал он. – Перед смертью она передала его мне. Так я поклялся ей, что всегда буду заботиться о сыновьях.

Штефан коснулся медальона, и в разуме забрезжил лик матери. Он вложил серебряную пластинку в ладонь брата.

- Холодный, – сказал Михал.

- И теперь я отдаю его тебе, – сказал Штефану Фёдор. – Храни его для меня, как я храню верность обету

вашей матери.

- Но почему ты должен уйти? - спросил Михал, обливаясь слезами и дрожа, несмотря на тепло очага, на что Штефан по примеру отца заботливо приобнял брата.

- Мне пора идти на бой, - ответил Фёдор мрачным, но спокойным голосом, и Штефана внезапно осенило, что отец долгое время готовился к этой ночи. Он крепко обхватил руками Михала, однако дрожь не унималась.

- Почему ты должен сражаться? - взмолился он. - Остайся здесь с нами!

- Сюда идут злые люди, - сказал отец. - И мы должны дать им отпор, иначе они перебьют нас.

Он улыбнулся в попытке смягчить слова. В желтоватом свете масляной лампы Фёдор казался очень высоким и могучим, что не верилось, будто его можно одолеть.

- Не беспокойтесь, - сказал он. - Мы их ждали.

Штефан заговорил, едва ворочая языком в пересохшем рту.

- Мы тоже можем сражаться, - заявил он. - Вместе с тобой.

Отец покачал головой.

- Нет, свою храбрость вы докажете, оставшись здесь. В безопасности. Присматривай за младшим братом. Отныне это твой долг.

Штефан посмотрел на образ богини и сжал между пальцами плетёную серебряную цепочку.

- Я уберегу нас до твоего возвращения, - наконец сказал он.

Отец наклонился и поцеловал сыновей в лоб.

- Верьте богине. Она никогда не оставит вас.

Сбоку от очага Фёдор Куманский открыл шкаф и запустил внутрь руку. Штефан с трепетом воззрился на меч, скрытый в ножнах на ремне из жёсткой кожи. Фёдор подпоясался и прочно закрепил его. Затем он взял из шкафа два коротких кинжала, заткнул один за пояс, нерешительно покрутил в руках другой, а затем положил его на стол перед мальчиками и кивнул.

- Мой плащ, Штефан, - мягко произнёс он.

К этому времени Михала уже не трясло - или дрожь унялась, или же Штефан поборол её своими сильными объятьями. Юноши с замиранием сердца смотрели на отца с клинком в руке. На воина.

- Так злодеи хотят попасть в деревню? - спросил Михал.

- Нет, - ответил отец. - Мы остановим их раньше.

Штефан чувствовал, как сердце бьётся всё быстрее, а внутри снова разлилось сильное чувство страха.

- Но, - сказал он, - ты ведь вернёшься за нами, обещаешь?

С потупленным взором Фёдор Куманский остановился, протянув одну руку к тяжёлой дубовой двери, а другую - к своим детям, но всё-таки поднял глаза и поймал взгляд Штефана.

- Береги брата, - произнёс он. - Я вернусь. Обещаю.

Штефан почувствовал, что вот-вот сорвётся. Ему хотелось разрыдаться, вцепиться в отца и не выпускать его из дому. Тогда им всем ничто не будет угрожать. Но он знал, что это невозможно. Во встретившем новое утро ребёнке начало зарождаться новое «Я», осознававшее неизбежность. И всё же ему хотелось чего-то, любого отцовского увещевания, на которое можно опереться.

- Отец, - сказал он, когда Фёдор Куманский приотворил дверь. Тот развернулся и с грустью посмотрел на сыновей.

- Отныне всё будет так? - спросил Штефан. - Всегда?

- Нет, - тихим голосом ответил отец. - Ничто не вечно.

Фёдор добрался до бухты одним из последних. Кромешная тьма окутала морской берег, однако, судя по гомону среди рокота волн, стало понятно, что деревенских собралось немало. Подойдя ближе, он разглядел их силуэты и лица. Всего, вероятно, насчитывалось около сотни мужиков с мечами, ножами, дубинами и всем, что можно пустить в ход. По краям залива стояли две пушки, заряженные и готовые к стрельбе - на фоне безбрежного океана они казались мелкими и бесполезными.

Фёдор всмотрелся в лица людей вокруг. Многих он знал ещё с детских лет. День ото дня они все рисковали жизнями в океане, выуживая сетями рыбу и мерясь силой с суровой мощью Моря Когтей. Фёдор знал, что они, как один, храбрецы, и доверял им, как самому себе. На миг в нём зажглась надежда на победу.

Собирающийся шторм, за которым он пополудни наблюдал с вершин утёсов, не ослаб. Огромные буруны сшибались вокруг скал и обрушивались на берег. Лишь глупец решится причалить в такую погоду. Глупец или безумец. Он посмотрел на сородичей и понял, что многие разделяют схожую мысль. Возможно, буря станет их спасением.

Он присоединился к группе селян, изучавших море сквозь подзорную трубу.

- Много кораблей? - спросил он у них.

Ян Шеренский опустил трубу и вручил её Фёдору.

- Дюжина, может, больше, - ответил он. - Не все идут с огнями, поэтому сложно сказать наверняка.

Фёдор поднял прибор и посмотрел в него. На водном зеркале плясала россыпь ярких точек, иногда опускаясь ниже уровня высящихся волн, но всё же приближаясь к берегу. Это вполне могло сойти за рыбацкую флотилию, возвращающуюся в гавань после долгой ночи в море. Но то были не честные рыбаки.

- Итак, - наконец сказал он. - Нет сомнений, что они идут к устью.

В ответ ему мрачно кивнули головами. Старики среди них помнили, как в прошлый раз налётчики устроили резню у них дома. Может, в этот раз пришли другие, но одно было точно - редкие северяне проделывали сюда путь с намерениями мира или торговли.

- Они отправятся вверх по реке, - проворчал Яков Колб. - Может, даже попытают удачи в Эренграде.

Фёдор кивнул.

- Не исключено. В прошлом разбойники уже забирались так далеко. Вопрос в том, - добавил он, - планируют ли они сначала нанести визит нам?

И мысленно он уже знал ответ.

Андрей Макаров взял у Фёдора трубу и посмотрел в неё. Молодой человек ростом выше шести футов, один из сильнейших людей в деревне - и даже его взгляд полнился страхом, причину которого Фёдор знал наверняка, ведь у того дома осталась жена с тремя маленькими детьми.

- В селении погашены все огни, - сказал Андрей. - Может, они даже не узнают, что мы здесь.

- Может, так, - согласился Яков, - а, может, и нет.

- Как ни крути, - добавил Ян Шеренский, - будет безумием пытаться причалить в такую непогоду.

«Действительно, безумие», - подумал Фёдор и задался вопросом, какую форму оно может обрести. Впрочем, вскоре они это узнают.

За считанные минуты во мраке показались тёмные очертания кораблей, а до берега докатились голоса людей на борту. Фёдор махнул своим спрятаться за скалами, выстроившимися вдоль залива. Ничто не должно выдать их присутствие, а им самим нужно молчать, как рыба, и ждать.

Яков Колб присел на корточки рядом с другом.

- Не корабли - судёнышки, - заметил он. - Впору ходить по рукавам Линск.

Фёдор кивнул.

- И причинять немало вреда. Сколько ты уже насчитал?

Яков поднял трубу над кромкой камня.

- Четырнадцать, - наконец сказал он. - Большая часть с экипажем. Осадка низкая, груза на борту нет. Идут за чужим, а не со своим.

Фёдор почувствовал, как всё внутри него напряглось.

- Молитесь, чтобы они пошли дальше, - сказал он, а затем добавил: - И да простят меня боги, что я желаю горя другим.

Но тут ветер стих. Волны улеглись. Вдали из-за облаков вышла луна Маннслиб, и в подёрнутом серебром заливе показался флот.

Головное судно вошло в залив, а затем двинулось галсом от берега в сторону устья Линск в сопровождении двух сторожевых кораблей. У Фёдора дрогнуло сердце, и он, рано обрадовавшись, пожал Якову руку.

- Плывите, - пробормотал он, - плывите.

И тут неподалёку раздалось:

- О нет!

Чётвертая лодка на полпути стала разворачиваться к отмели залива.

- Не сюда, - Фёдор поймал себя на шептании, - не сюда, не сюда.

На судне раздались крики, и немного погодя ночное небо озарил ярко-красный сигнальный огонь, запущенный с палубы.

- Что они увидели? - крикнул кто-то. - Почему они останавливаются?

Фёдор наблюдал, как, вспенивая воду, накренились головные корабли, и понял, что это значит лишь одно - они разворачиваются.

В небо по спирали взмыли второй и третий огни. Теперь каждое судно казалось объатым пламенем. Раздались приказы на языке, не похожем ни на один из языков людей, известных Фёдору.

Практически одновременно раздалась цепочка всплесков, и он понял - те сбрасывают якоря. Поднеся ещё раз трубу, мужчина увидел, как, по меньшей мере, три судна спускают на воду весельные лодки.

Фёдор Куманский выбрался из-за камня и встал в полный рост. Голос едва просачивался сквозь пересохшее и заскорузлое горло, но он собрал силы и выдавил его из себя, чтобы командовать среди шума, создаваемого идущими к берегу налётчиками.

- Пушку наводи! - крикнул он. - Готовьтесь биться не на жизнь, а на смерть.

После ухода отца долгое время царила полная тишина. Два мальчика, скрестив ноги, сидели у огня, кроме которого приглушённый свет дарила жировая лампа, которую им запретили делать ярче. Чтобы отвлечь младшего брата от страха, Штефан рассказывал сказки: выдуманные истории о землях за пределами Кислева; о бретонских принцах, о магах, творящих заклятья на обширных территориях Империи. А ещё он поведал Михалу о доблестных воинах Кислева - могучих и гордых людях, как их отец, которых ни за что не одолеть ни одному противнику.

Свет лампы затрепетал и потух, и теперь только угли очага освещали и согревали комнату.

- Так темно, - возмутился Михал. - Штефан, зажги свечу.

- Нельзя, - решительно отказал Штефан. - До прихода отца. Мы должны ждать.

- И сколько? - требовательно спросил Михал. Но Штефан ничего не сказал, сам желая узнать ответ; и вдруг ему захотелось, чтобы и у него был старший брат, который и защитит, и на вопросы ответит. Но больше всего он, как и Михал, надеялся на возвращение отца.

Прокравшись к окну, Штефан чуть приоткрыл ставню, чтобы выглянуть наружу, в ночь. Ещё никогда он не видел деревню, погружённую во тьму. Ни в одном окне домов, окружавших площадь, не горел свет. Улицы были пусты, а храмовые колокола замерли. Даже птицы, устроившиеся на ночлег на деревьях у дома, замолкли.

На миг у Штефана закралось сомнение, что их с Михалом бросили совершенно одних в Оденске. Но это глупости, детские фантазии. В домах должны быть и другие люди, которые, возможно, даже сейчас, как и он, выглядывают из окон, но во мраке их никак не разглядеть, только и всего.

Но тут тьма слегка развеялась. В дальнем конце улицы, на дороге, что вела к заливу, он разглядел

янтарное мерцание лампы или факела, который несли вверх по холму. Тишина тоже была нарушена: следом за светом Штефан услышал голоса, хотя и не разобрал ни слова. Мальчик оживился, закрыл глаза и пожелал, чтобы новости оказались хорошими: что через пару мгновений дверь распахнётся настежь, и на пороге появится отец с широкой улыбкой и не менее широко раскинутыми руками.

- Михал, - позвал брата Штефан, позже вспомнив, что обещал громко не разговаривать. - Михал, - снова прошептал он. - Иди сюда и посмотри.

Михал подошёл к брату и подвинул того локтём, чтобы лучше всё разглядеть. Одинокий светоч стал огненной процессией, а голоса слились в гул толпы. Воздух сотрясал топот ног, идущих вверх по холму, что вёл к центру деревни. Штефан ощутил волну облегчения. Всё закончилось. Отец вместе с остальными возвращались назад. Он потянулся, чтобы открыть окно и окликнуть отца, тайком наблюдая за тем, как тот приближается к дому.

Его рука легла на защёлку и тут же застыла. Возможно, дело было в слишком громком топоте тяжёлых сапог по брусчатке или же их многочисленности. Или, возможно, в нарастающей какофонии голосов, на чужом языке певших песни, незнакомые ему с детства. Неосознанно Штефан потянулся к Михалу, но младший брат уже сбежал от окна.

Развернувшись, он увидел, как Михал со всех сил вцепился в дверь.

- Я иду на улицу! - крикнул Михал. - Чтобы найти отца!

- Нет! - пылкость голоса Штефана испугала обоих. Но вот засовы уже были выдвинуты, а дверь - распахнута.

Фёдор Куманский взирал на творимое вокруг кровопролитие и рыдал. Жители Оденска были готовы. Они были сильны и, невзирая на мирную жизнь, готовы бесстрашно защищать свои дома. Но всё напрасно.

Опираясь на меч, чтобы перевести дыхание, окровавленной ладонью он смахнул слёзы. Везде лежали его братья по морю, - мёртвые или умирающие - павшие от рук выродков, что жаждали одного - уничтожать всё живое на своём пути. Поначалу битва шла хорошо. Захватчики не заметили спрятавшихся за скалами людей Фёдора, и пушки нашли свои цели. Две лодки, спущенные со стоящих кораблей, были уничтожены, а людей в них либо убило на месте, либо бросило на поживу высоким морским валам.

Но, даже потопив первые лодки, три, а затем пять и шесть других уже были на воде. В считанные мгновения залив оказался запружен весельными судами, что стремглав неслись к берегу.

После перезарядки пушки выстрелили раз-другой, но для жителей Оденска это было сродни тщетной борьбы с морской пучиной. Враги даже не пытались спасти тех, кто упал в воду. Их бросали умирать, пока следующая группа лодок неумолимо рвалась вперёд.

Фёдор обнажил меч и воздел его высоко над головой. Лунный свет заиграл на начищенной стали.

- Встаньте! - обратился он к своим людям. - Мы отправим их туда, откуда бы они ни пришли, и заставим пожалеть о решении сунуться на юг!

В окружающих скалах раздались громкие возгласы. Поднялись десятки людей - уже не рыбаки, но воины. Рядом появился Андрей Макаров с румяными от волнения щеками.

- Всё хорошо, - сказал он Фёдору. - Мы готовы к этому.

- Знаю, - тихим голосом ответил Фёдор. - Знаю.

Андрей развернулся и побудил остальных.

- Вперёд! - крикнул он, ударив оземь мечом. - Эта пустошь станет их первой и последней памятью о Родине-Кислеве. И пусть за каждую пядь земли они заплатят кровью!

Первые лодки причалили на отмели, и теперь жителям Оденска придётся лицом к лицу столкнуться с теми, кто отберёт у них землю, пожитки и жизни.

Селяне, как один, поднялись и встали живой стеной. Вместе они оттеснят захватчиков обратно в море, чьи воды вскоре покраснеют от их крови.

Сквозь волны к берегу пробивались люди. Фёдор пытался подсчитать их и быстро сбился. Десятки, дюжины, а, возможно, и сотни. Воздух зазвенел от пущенных стрел, когда вооружённые луками земляки обрушили свой гнев на бушующие воды залива. Фёдор увидел, как несколько врагов споткнулось и пало под натиском снарядов. Тучи стрел нашли свои цели, но без особого успеха. Захватчики преодолевали воду, не обращая внимания на застрявшие в телах снаряды или же вырывая их и бросая в сторону, будто назойливую мошкарку.

Любая надежда на то, что врагов удастся оттеснить до их выхода на берег, умерла в тот же миг. Фёдор Куманский вознёс молитвы богам и направился вперёд, к кромке воды. Он подумал о жизни, с которой вот-вот расстанется, нелёгкой, с мирным трудом и простыми радостями. О жене, шесть лет почивающей в сырой земле. О сыновьях, Штефане и Михале, что ждали его дома целым и невредимым. Он попросил богиню Шаллию неустанно хранить их.

Фёдор посмотрел в лица нападавших. Несомненно, они тоже жаждали вернуться домой, к любимым. И, пока всех не охватило безумие, их точно можно было образумить.

Но ничего подобного Фёдор Куманский не увидел. На него взирало то, что давно лишилось привычного человеческого облика. Честно говоря, он засомневался в наличии среди них людей. Промеж типичных для северных орд грубых меховых жилетов и стальных рогатых шлемов нашлись и носители явных мутаций. В ощеренных вытянутых пастьях виднелись жёлтые, как у крыс, зубы. Костяные рога торчали из треснувших лиц и лбов. Кожа лоснилась холодным блеском змеиной чешуи. Но всех их объединяло одно: отсутствующий и безжалостный взгляд. Никакой надежды или уступки. И так до самой смерти.

Противники встретились на урезе. Фёдор встал на краю родной земли и в последний раз взглянул на деревню. Захватчики кричали друг другу приказы на хриплом гортанном языке, резкостью своей затмевавшем шум волн. К нему с трёх сторон приближались высокие люди в тёмной, гадко пахнущей кожаной одежде. Фёдор наобум выбрал цель и атаковал её.

Сближаясь с дюжим врагом, Куманского осенило - больше шести лет он не поднимал руку на живое существо. Противник, словно в замедленном темпе, развернулся к нему, и Фёдор приготовился нанести удар. Он будто целую вечность рассматривал молочно-бледное лицо человека с гладкой, как у младенца, кожей, испещрённой мелкими шрамами, и торчащие из-под ермолки светлые волосы. Встретившись взглядом с Куманским, его черты исказила коварная, кровожадная ухмылка.

Фёдор взмахнул клинком и ощутил, как тот завибрировал, рассекая то ли кожу, то ли ткань, то ли кость.

Его противник покачнулся, будто слегка во хмелю, но не упал. Фёдор заметил, как тот обрушивается на него правую руку, и неожиданно впал в исступление. Выудив меч, он отразил нацеленный на него удар, а затем несколько раз рубанул по телу врага, словно отделяя мясо от костей. Из глубокой раны на шее человека ключом брызнула кровь, и он, наконец, рухнул на шельфе.

Фёдор испытал беспримесный ужас от картины из самой бездны Морра, но тут почувствовал, как что-то пропорол рубаху, и холодная сталь оцарапала кожу подреберья. Развернувшись, он столкнулся с орудуящими ножами верзилой, во взгляде которого читалась всё та же кровавая ярость. Взяв меч двумя руками, Фёдор сделал шаг назад и рубанул прямо по лицу норса, срезая плоть с костей.

Более он не различал ни людей, ни мутантов. Существование Фёдора Куманского свелось к одному: убивать или быть убитым. И он всей душой отдался этому процессу.

Но даже в пылу сражения мужчина понял, что их теснят к дороге, что, рано или поздно, выведет к деревне. Он увидел Якова Колба, стоя на коленях пытавшегося сопротивляться граду ударов чудовищным двуглавым топором в руках норса. Фёдор мечом расчистил себе путь - отчаянное желание добраться до друга наделило его мощью двух мужей. Взмахнув клинком, он отсек северянину руку над локтем.

- Вставай, старина! Вставай! - он подтянул Якова ближе к себе и снял корку грязи с лица товарища, но тот уже испустил дух, узрев последние мгновения земной жизни. Не успел Фёдор дать волю горю, как ему в спину ударило что-то тяжёлое, и он ничком распластался на земле, а шею обвили длинные пальцы с острыми когтями. Казалось, будто из мужчины пытаются вытрясти душу. Но тут натиск так же внезапно ослаб, а давящий на него вес пропал. Развернувшись, Фёдор увидел Андрея, что, уперев ногу, выуживал меч из труп мутанта. Тот протянул руку и помог Куманскому встать.

Вокруг себя Фёдор видел мёртвых и умирающих. Друзей и братьев, с которыми он каждый день гнул спину. Несокрушимые люди самоотверженно отдали свои жизни. И даже этого оказалось мало.

- Нужно собрать силы, - задыхаясь, сказал Фёдор. - Отступаем к деревне. Здесь они нас перебьют.

- Но...

- Никаких «но», Андрей. Здесь нет чести, только борьба за жизнь. За жизни наших любимых. Собери всех, кого сможешь. Мы уходим к деревне. Мы должны защитить наши дома.

Сердце бешено стучало в груди Штефана. Михал то ли не услышал, то ли не хотел его слушать. Когда мальчик оказался на пороге дома, брата и след простыл. Теперь же он стоял на опустевшей деревенской площади и звал Михала. Его отрывистое дыхание сверкало инеем на холодном ночном воздухе. Близлежащие здания до сих пор скрывались во тьме, но на дальней улице с краю деревни горел дом. Янтарные языки пламени лизали ночное небо, а густые клубы удушающего дыма взбирались по холму навстречу Штефану.

Чуть погодя из завесы вышел человек - его сильно бросало из стороны в сторону. Одной рукой он хватался за бок, а другой поддерживал голову. Лицо казалось влажным и красным.

Штефан напрягся. Рука скользнула в карман жилета и сжала рукоять короткого ножа, словно от него зависела его жизнь. Ближе к центру селения человек замедлил шаг и посмотрел на Штефана.

Мальчик узнал в нём Яна Шеренского, неводника на отцовских лодках. Он дружил с его сыном, они

совсем недавно играли вместе. А теперь казалось, будто с тех пор прошла вечность.

Штефан потрясённо уставился на мужчину. Его бок, как и лицо, был измаран кровью. Что-то тёмное и густое сочилось из раны на животе Яна. Шеренский заметил стоящего у дороги мальчика и заковылял к нему.

- Во имя богов, Штефан, - крикнул он, - спасайся.

Штефан остолбенел и лишь немного погодя ответил.

- Не могу, - наконец сказал он. - Я должен найти Михала.

Ян Шеренский рухнул на колени, словно его одолела усталость. Он протянул руку Штефану, и тот принял её, не зная, как ещё поступить.

- Ян, - спросил Штефан, - что с моим отцом?

Из дымного зарева на краю деревни стали появляться новые силуэты. Навстречу им шагали мужчины с факелами. Шеренский посмотрел назад, а затем повернулся к Штефану с полным ужаса взглядом.

- Спасайся, - повторил он. - Беги.

И тут он повалился вперёд, со звучным хрустом ударившись лбом о мостовую. Штефан отчаянно затормозил Шеренского, пытаясь привести его в чувство. Он ничего не сказал об отце, а мальчику нужно было знать, что с ним всё в порядке.

Но теперь от Шеренского уже ничего не добиться, и, в конце концов, Штефан оставил его лежать на дороге. Марш ещё не добрался до площади, и мальчик понял - по пути они останавливались у каждого дома. Воздух наполнили звуки ломающихся деревянных дверей и выбитых окон. И крики.

Небо становилось тем румянее, чем больше домов загоралось от пламени, что танцевало на дощатой обшивке и соломенных крышах. Совсем скоро пожар охватит всю деревню.

В тених на другом краю площади Штефан заметил движение - что-то крошечное сжалось в страхе у обочины. Мальчик бросился туда, выкрикивая имя брата посреди нарастающей какофонии разрушения. Оказавшись в центре площади, он заметил, что к нему быстро приближаются двое очень рослых мужчин. Один держал в руках факел и тяжёлый топор, а другой - что-то наподобие шара или узелка.

Штефан застыл как вкопанный и всмотрелся в их лица. Воины в заляпанной грязью и кровью одежде хохотали. Тогда-то Штефан разглядел, что нёс в руке второй. Он держал за волосы отрубленную голову.

Штефан понял, что не может пошевелиться, словно прирос к земле. Ему хотелось добраться до Михала и спасительных теней, но ноги не слушались его. А люди не останавливались, и, казалось, даже пробежали бы мимо - они будто смотрели сквозь Штефана, словно его не существовало. Но тут в последний миг второй резко остановился, держа в окровавленной руке болтающуюся голову убитого селянина. Штефан разглядел его лицо, и к горлу подступила тошнота.

Норс швырнул трофей наземь и развернулся к Штефану. Он был молод, может, чуть старше самого мальчика. Несмотря на человеческий облик, его глаза были цвета крови, напоминая вправленные в молочно-бледное лицо рубины. Зловещая ухмылка исказила его черты, обнажив ряды острых, как у дикого пса или волка, зубов. Он сказал что-то Штефану на непонятном языке и попытался коснуться его. Мальчик в страхе отшатнулся, и тут раздался окрик:

- Оставь его в покое!

Северяне повернулись на звук слабого, испуганного голоса. Михал попытался спрятаться, но было слишком поздно. Бледнолицый изверг злобно захохотал и вытащил из-за пояса короткий нож. Первый же, насвистывая, стал заходить Михалу за спину, чтобы отрезать путь к отходу.

Тут в голове Штефана раздался голос отца, что прогнал страх и разбил лёд, сковавший его руки и ноги. И вот он уже летел очертя голову, чтобы не дать норсам добраться до Михала. Нож в кармане царапал кожу на бегу.

Разум затмили инстинкты, ныне руководившие каждым движением его тела. Младший из двух северян не заметил его, целиком сосредоточившись на Михале, словно змея, гипнотизирующая жертву. Сев на корточки, норс поманил к себе Михала под хриплый и жестокий смех своего спутника.

Северянин увидел Штефана в последний миг и в момент разворота к нему получил от того удар ногой в живот. Михал бросился вперёд, избежав неуклюжего броска другого норса.

- Беги! - крикнул брату Штефан. Юнец выругался и бешено вцепился в Штефана. Тот оттолкнул его, не осознавая, что держит в руке нож. Он услышал, как норс вскрикнул, и мимолётно увидел его лицо - на месте выколотого глаза теперь зияла кровоточащая дыра. Вопя от боли и ярости, северянин ударил вслепую, и Штефан почувствовал, как руку пронзило холодное острие боли.

А затем он побежал вместе с братом подальше от площади к дому. Шею опаляло дыхание пожаров, а крики преследователей затмевали вопли, доносящиеся из деревни. Сладкий аромат горящего дерева смешался с вонью мясницкой колоды.

Михал обогнал Штефана, направляясь к распахнутой ночи двери дома. Штефан схватил младшего брата за руку и потащил за собой.

- Наш дом, - закричал Михал. - Наш дом вон там!

- Нет, - едва переводя дух, ответил Штефан. - Не туда. Они жгут дома.

- Но я хочу назад, - воспротивился Михал. - Я хочу домой, Штефан.

Штефан пробежал мимо, увлекая Михала за собой. Он понимал, что, только двигаясь, они смогут выжить.

- Мы не можем вернуться туда, - повторил он. - Нам нельзя назад.

- Но отец...

- Он поймёт, куда мы сбежали.

Лихорадочно соображая, его разум пытался отсеять бьющие в уши звуки. Он более не слышал голосов преследователей и начал надеяться, что на время те потеряли след. Впереди замаячили тёмные абрисы солильни; непривычно успокаивающие ароматы моря смешались с запахами дыма и кровавой резни.

- Сюда, - дёргая брата за руку, выдохнул он. - Бегом, Михал!

Воздух внутри толстых каменных стен солильни был неподвижным и прохладным. В серебряной чешуе сотен потрошённых рыбин, разложенных для сушки рядами на полках, отражался лунный свет, проникавший сквозь оконные филёнки. Штефан застыл на месте и прижал к себе Михала, закрыв ему

рот ладонью.

- Тихо.

Где-то вдалеке они услышали звуки приближающихся к сараю шагов. Штефан отчаянно закрутил головой в поисках укрытия, а затем прошёл между посолочными лотками к большому открытому чану в дальнем конце зала, куда после чистки сбрасывали рыбы потроха, и забрался на край. В нос ударила знакомая вонь гниющих внутренностей. Емкость была почти полна.

Штефан с трудом сглотнул и подозвал Михала. Если они хотели выжить, то ничего другого им не оставалось.

- Не могу, - ответил испуганный Михал.

Внутри Штефан с ним согласился.

- А вот и можешь, - сказал ему мальчик и, крепко взяв брата за руку, подтянул его к краю чана. - Сделай глубокий вдох, - сказал он Михалу. - Глубоко вдохни и молись.

Штефан перекинул ногу через край, чтобы удержаться над грудой тухлых потрохов. Часть его не могла поверить в то, что он собирается сделать. Другая же говорила, что иначе нельзя.

Михал с ужасом и отвращением посмотрел на него.

- Знаю, - произнёс Штефан. - Но я обещал. Обещал отцу.

Он толкнул Михала в склизкую массу спиной вперёд, а затем пошёл следом, пытаясь не раздавить брата. В глаза, нос и рот хлынуло холодное, маслянистое и непостижимо смердящее месиво. В попытке перевести дух Штефан подавился и его чуть не вырвало. Вокруг царил непроглядная тьма. Немного погодя Штефан выпростал руку, добравшись до поверхности чана, после чего внутрь попало немного воздуха и света.

Штефан выплюнул гадкие на вкус куски, что попали ему в рот, и, тихо шепнув имя брата, в ответ услышал приглушённое хныканье.

- Сколько ещё? - пропищал его брат.

- Тихо... - Штефан нащупал в жирной массе руку Михала и попытался сжать её. - Мы должны ждать, - ответил он.

Поначалу стояла тишина, перемежаемая далёкими звуками сражения в деревне, но затем Штефану показалось, будто он слышал что-то совсем близко. Шум открываемой двери. Её не выбили, как в других домах, а мягко отворили, как во время игры в прятки.

Он внимательно вслушивался в то, как кто-то тихо бродит по солильне. Штефан почувствовал, что его начинает трясти. Неизвестный обошёл помещение полукругом, а затем остановился. Целую минуту не было слышно ни звука. Штефан задержал дыхание. Желание выглянуть наружу и узнать, что происходит, было непреодолимым.

А затем во тьме раздался голос, принадлежащий бледнолицему норсу, которого ранил Штефан. Зазвучала родная речь.

- Мальчики, - он говорил томительно медленно, коверкая чужие слова. - Будьте умницами и выходите. С

нами вам ничто не угрожать. Сами увидите.

Штефан плотно закрыл рот брату ладонью. Сердце в груди билось так сильно, что его явно было слышно по всей солильне.

- Мальчики! Вы делать зло ножом. Придётся просить прощения!

Затем раздался второй голос. Штефан не понимал, что он говорил, однако его тон звучал грубо, нетерпеливо. Вдруг на улице раздался взрыв, и сквозь оконные филёнки ударила вспышка. Раздались крики - на норском и кислевитском языках. Первый голос выругался по-северному, а затем крикнул на родном языке Штефана:

- Однажды я найди тебя. Клянусь, я найди тебя.

А затем Штефан услышал, как дверь распахнулась, и люди ушли.

Больше всего на свете ему хотелось выбраться из чана. Тело вымерзло до костей и пропиталось приторным, дурно пахнущим маслом, что покрывало его с ног до головы. После стычки с северянином дико болело запястье. И всё же он понимал, что только здесь они будут в безопасности, хотя у него закралось ощущение, что норс больше не вернётся.

Он изо всех сил старался обнимать и подбадривать Михала. Он делал всё возможное, чтобы удобнее устроиться внутри холодного грязного чана.

И Штефан ждал, ждал, сам не зная чего.

С течением ночи из мира снаружи стали доноситься иные звуки. Поначалу шум битвы усилился, да так, что в какой-то миг лязг стали и нечеловеческие вопли победителей или проигравших эхом отзывались внутри самого здания. Неизвестно, как проходило сражение, и Штефану лишь оставалось надеяться, что каким-то образом их отец преуспел, а захватчики уничтожены.

Когда же бои либо отодвинулись дальше, либо совсем закончились, шум постепенно стих, слившись со звуками окружения. «Может, - подумал Штефан, - норсы сдались». Или же сражаться было уже некому. Он прогнал эту мысль и стал ждать дальше. Удивительно, но Михал погрузился в тревожный сон, прерываемый стонами и, иногда, криками боли. Но Штефан не осмелился будить его. Кто знал, что им уготовил день грядущий?

Штефан резко вскочил, удивлённый осознанием того, что сам уснул. Он не знал, как долго они уже прятались, но в окна солильни постучалась серая заря. Светало.

Он наострил слух, но кроме размеренного тихого дыхания Михала ничего не было слышно. Совсем ничего. Даже птицы умолкли.

Тело изнывало от холода и оцепенелости, а боль в запястье настойчиво напоминала о себе. Подняв левую руку, Штефан осмотрел её. Ладонь пересекал широкий красный порез. Солёная жижа остановила кровотечение, однако рана оказалась глубокой, и на её заживление потребуется много времени.

Он понял, что у него отбило вкус и нюх, что, впрочем, было даже и к лучшему, потому что разило от парня знатно. Штефан медленно поднялся, пока не смог забросить руки на край чана и посмотреть на пол солильни.

Он знал, что рано или поздно им придётся осмелиться выйти наружу. Возможно, этот момент уже настал, потому что сил и дальше прятаться в вонючей бочке с внутренностями он в себе не находил.

Нынешний день ничем не отличался от предыдущих. Было тихо, даже безмятежно. На миг в нём проснулась глупая надежда, что прошлая мрачная ночь была просто сном, но он быстро прогнал её и растормошил брата.

- Уже можно выходить. Идём искать отца.

- Ты в порядке? - спросил у него Михал.

- Да, всё хорошо, - ответил Штефан, но, по правде говоря, всё было с точностью до наоборот. Он надеялся, что по пути руки и ноги разомнутся, и сделал несколько шагов вперёд, стараясь не обращать внимания на боли и гадкую мерзость, сплошь покрывавшую его.

Лёгкий ветерок раскачивал взад-вперёд настежь распахнутую дверь в солильню. Штефан едва различил в воздухе слабый запах горелого дерева, что напоминал о праздничных кострах. Взяв Михала за руку, он вывел его на улицу.

Солнце ещё не взошло над Оденском. Дым от тлеющих пепелищ заглушал свет, но даже в таком полумраке Штефан сумел понять, что деревни больше нет.

Первым делом он вспомнил про домашний очаг, горевший, когда они с отцом вставали спозаранку. А вокруг него дымились и затухали костры.

Селение сгорело. От деревянных построек остались лишь обугленные остовы. Уцелело всего несколько зданий из камня или кирпича. На улицах ветер наметал барханы из мертвенно-бледного пепла.

Вместе с братом Штефан стал исследовать совершенно иную землю, шагая по дороге, ведущей от солильни, к площади в центре того, что некогда было Оденском.

И за поворотом их поиски подошли к концу.

Штефан бросился к Михалу, чтобы удержать его, но не успел.

- Он сдержал обещание! - крикнул Михал. - Он обещал вернуться!

Ещё до того, как радостные крики Михала сменились отчаянным воплем, Штефан понял, что они нашли. Понял, что дверь в прошлое, в детские годы в Оденске, закрылась навсегда; что вскоре ему ничего не останется, кроме как начать совершенно новую жизнь. Серый рассвет рождал новую жестокую реальность.

Штефан подошёл чуть ближе и рухнул на колени подле простёршейся перед ними фигуры. Михал уже рыдал, от горя и гнева молотя маленькими кулачками по твёрдой земле, но Штефан на время отрешился от всего.

Он и раньше сталкивался со смертью, видел её отражение в глазах-бусинках рыбы, разложенной на деревянных настилах. Но в этот раз всё было иначе.

- Ты прав, - прошептал он Михалу. - Он сдержал обещание и вернулся к нам.

Пальцы Штефана сжали серебряное украшение в руке, но богиня не могла утешить его. Он посмотрел наверх, на жестокий серый небосвод, и про себя произнёс молитву. Он снова взглянул в лицо смерти, и

та посмотрела в ответ глазами отца.

Ничто в жизни – даже ужасы прошлой долгой ночи – не подготовило Штефана к этому. Он хотел понять, как это могло произойти, как вселенная, оберегавшая его все эти годы, могла так жестоко с ним сейчас обойтись.

Ему хотелось кричать от ярости и избивать грубую землю по примеру Михала, но это осталось по ту сторону ныне закрытой для него двери. Он хотел жестоко и кроваво отомстить чудовищам, уничтожившим его жизнь. Но это ждало за дверью, в которую ещё предстояло войти.

Он аккуратно поставил Михала на ноги. Постепенно нервная дрожь, охватившая тело брата, унялась.

- Штефан, – сказал он, давясь слезами. – Так будет всегда?

- Нет, – наконец ответил Штефан, взял брата за руку и крепко сжал её в своей ладони. Рана болела, она жгла и колола иголками. Но Штефан понимал, что обязан терпеть, ибо отныне боль станет его спутником.

- Так будет не всегда, – прошептал он. Держа Михала за руки, он раскачал младшего брата из стороны в сторону, как это делал отец. – Ничто не вечно.

- И куда же нам теперь идти? – молящим голосом спросил у него Михал, на что Штефан медленно покачал головой. Он не знал этого, но понимал, что решать придётся ему. Мальчик осторожно отвёл брата от тела отца и направился туда, где раньше находился их дом. Лишь немного погодя он понял, что это пустая затея, ведь их дом, как и детство, канули в прошлое, и теперь им предстоит дорога в будущее. Теперь они должны избрать воинскую стезю.

Штефан Куманский остановился и посмотрел по сторонам. На севере простиралось море и жестокие земли, откуда на их деревню обрушилась волна смерти. Но туда им пути нет, по крайней мере, пока. Он повернулся спиной к морю и развалинам Оденска и обратил взор на материк.

- Идём, – мягко произнёс Штефан, взяв Михала за руку. – Нам пора.

И вместе мальчики сделали первые шаги навстречу месту, известному Штефану лишь как Мир. Первые шаги на долгом пути к возмездию.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Воинская_стезя_/__The_Path_of_Warriors_\(рассказ\)&oldid=23473](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Воинская_стезя_/__The_Path_of_Warriors_(рассказ)&oldid=23473)

Эта страница в последний раз была отредактирована 4 сентября 2023 в 23:20.